

The background of the book cover features a series of concentric circles in shades of orange, red, and brown, creating a tunnel-like effect. In the center, there is a silhouette of a group of people, possibly protesters, standing against a backdrop of fire and smoke. The overall atmosphere is dramatic and intense.

ВАРДАН БАГДАСАРЯН

.....

МИР ПОД ПРИЦЕЛОМ РЕВОЛЮЦИИ

 ПИТЕР®

Новая политика (Питер)

Вардан Багдасарян

Мир под прицелом революции

«Питер»

2017

УДК 327.5
ББК 66.4

Багдасарян В. Э.

Мир под прицелом революции / В. Э. Багдасарян — «Питер»,
2017 — (Новая политика (Питер))

ISBN 978-5-496-02312-2

В 2017 году исполняется сто лет российской революции, потрясшей мир. Одно время казалось, что войны и революционные потрясения безоговорочно ушли в прошлое. Но начавшееся с конца 1980-х годов обрушение социалистической системы сопровождалось новой революционной волной, не похожей на революции прошлого. Лишь со временем пришло осознание, что характер революции носили и события в СССР 1991 года. Произшедший двумя годами позже конституционный переворот явился завершением революционной трансформации России. Далее последовала новая волна революций на постсоциалистическом пространстве. За ними – события «Арабской весны» и «Евромайдана». Но подобны ли эти революции революциям прежних эпох? В чем заключается разгадка «цветных революций»? И почему идеолог цветных революций Джин Шарп повел нас по ложному следу? Какими последствиями грозит «цветная революция» России? Ответ на эти и многие другие вопросы вы найдете в книге, автор которой – известный российский историк и политолог, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН В. Э. Багдасарян (автор бестселлера «Антироссийские исторические мифы»).

УДК 327.5
ББК 66.4

ISBN 978-5-496-02312-2

© Багдасарян В. Э., 2017

© Питер, 2017

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	8
Революции бывают разными	8
Новые несиловые технологии революций	10
Классические революции и «цветные»: в чем отличия?	12
Цели «цветных революций»	13
Идеология «цветных революций»	16
Социальная база «цветных революций»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Вардан Багдасарян
Мир под прицелом революции

© ООО Издательство «Питер», 2017

© Серия «Новая политика», 2017

Предисловие

За двадцатое столетие дважды происходило крушение российской государственности. Оба эти крушения – февраля 1917 г. и августа 1991 г. – имеют черты, присущие современным «цветным революциям», удару которых подверглось значительное число государств. Эксперты предупреждают об угрозе «цветной революции» и в России. Чтобы обеспечить безопасность нашего государства, нужно изучить эти «революции», понять их скрытые механизмы и найти «противоядие».

«Цветные революции» – это псевдореволюции. Правильнее было бы назвать их не революциями, а войнами особого вида. Традиционно государства лишались суверенитета (полностью или частично) в результате военных действий. В классическом виде это означало завоевание одним государством другого. Однако со временем технологии межгосударственной борьбы усложняются. Изменяется сам тип войн. Для поражения суверенитета теперь уже нет необходимости применять военную силу, ведь для этого есть иные способы десоверенизации, одним из которых и являются «цветные революции». Для России угроза «цветной революции» – это перспектива геополитического распада, а соответственно – уничтожения цивилизационной идентичной российской общности.

Глава 1

Что такое «цветная революция»

Революции бывают разными

Из всех возможных сценариев смены власти революционный путь предполагает наибольшие издержки: разрушается инфраструктура, наносится материальный и демографический урон государству. Это всегда социальное потрясение. Истории не известно ни одного примера, чтобы революция не сочеталась со снижением экономических показателей.

Другое дело, что затем, уже после смены элит, может произойти либо прорыв в развитии страны, либо ее дальнейшая деградация. В этом принципиальное отличие революций 1917 г. и 1991 г. Однако даже если последствия революции окажутся позитивными для страны, издержки таких преобразований всегда значительны и часто неоправданны. Поэтому нельзя согласиться с распространенным мнением о революциях как «дешевом» способе взятия власти.

Современные гуманитарные науки не имеют адекватной реалиям XXI в. теории, позволяющей прогнозировать революции и описывать механизмы их осуществления. В России в лучшем случае по инерции применяется советская истматовская теория революции. До сих пор используется трехкомпонентный плехановско-ленинский определитель «революционной ситуации», не позволяющий идентифицировать революции нового типа. Между тем сформулированные в свое время В. И. Лениным знаменитые признаки революционной ситуации уже давно пересмотрены.

«Невозможность “верхов” управлять по-старому». Опираясь на этот признак, советские историки видели в управленческих новациях властей симптом надвигающейся революции. Однако вероятность лишиться власти больше у той политической команды, которая управляет именно по-старому и не считает, что это недопустимо. Элита утрачивает ощущение опасности, у нее возникает иллюзия, что ее правление вечно. И тут как гром с ясного неба – революция. В час X выродившаяся элита оказывается не способна даже на силовое противодействие (пример тому – революция 1991 г.).

«Обострение выше обычного нужды и бедствий народных масс». Этот признак революционной ситуации не признается в современной политологии в качестве индикатора надвигающейся революции. Известны многочисленные примеры, когда ухудшение положения народа никаким образом не сказывалось на его политической активности. Не привело к революции и резкое падение уровня жизни населения в России в 1990-е гг. Ленинская теория дала сбой.

А. де Токвиль¹ указывал, что революции чаще возникают не в результате ухудшения ситуации, а как реакция на неоправдавшиеся ожидания. Черда лишений вырабатывает у народа соответствующую психологическую адаптацию, приспособление к невзгодам. Каждый новый удар по благосостоянию воспринимается едва ли не как неизбежность. Но если у народа формируется ожидание завтрашнего улучшения, которое не происходит, ситуация взрывается.

Французская революция разразилась тогда, когда объективно социально-экономическое положение населения было значительно лучше, чем в предшествующие десятилетия. Однако любой, пусть незначительный, сбой в динамике улучшений может стать катализатором революции.²

¹ Французский политический деятель, автор трактата «Демократия в Америке».

² Токвиль А. Старый порядок и революция. – М., 1997.

Такой же качественный рост уровня жизни наблюдался и в канун гибели Российской империи, и в преддверии краха СССР. Причина революций заключалась не в том, что жизнь стала невыносимой, а в несоответствии ее имеющимся ожиданиям (обещали материальное процветание, а вместо этого сохранялся товарный дефицит).

Взгляды А. де Токвиля получили развитие в разработанной американскими политологами Д. Дэвисом и Т. Гарром теории относительной депривации. В этом подходе причиной революции считается увеличивающийся разрыв между ожиданиями и объективными возможностями их удовлетворения. Различаются, соответственно, «революции пробудившихся надежд», «революции отобранных выгод», «революции крушения прогресса».³ Однако в те же 1990-е гг. при худшем положении народа революция тем не менее не произошла.

Современная ситуация, согласно теории депривации, в гораздо большей степени может быть оценена как потенциально революционная. На первый план здесь могут выйти не столько материальные, сколько психологические и идеологические факторы (рис. 1).

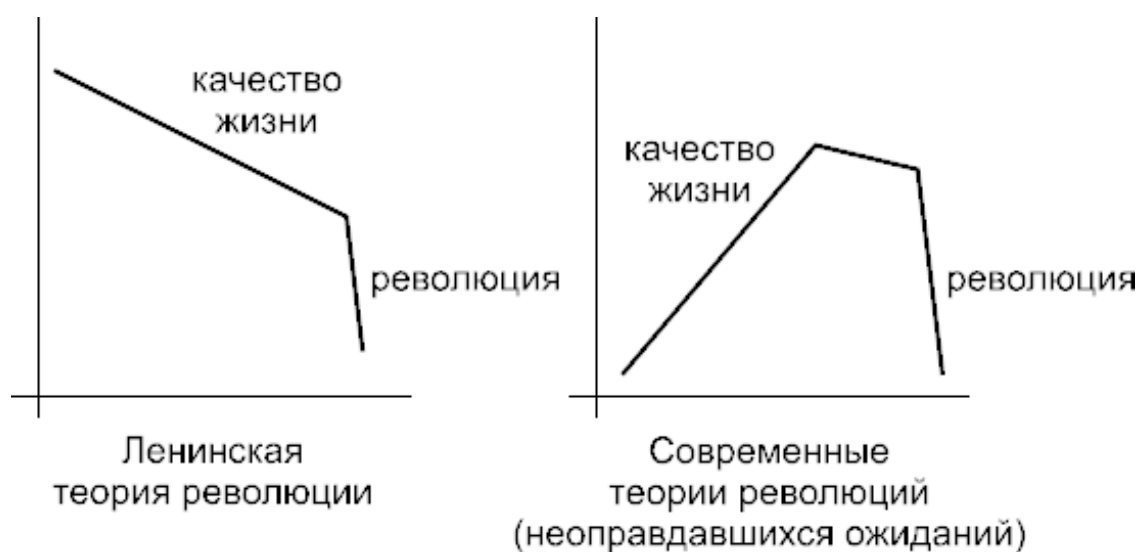

Рис. 1. Как происходят революции

Третий ленинский признак революции – «*повышение социальной активности масс*» – не вызывает возражений. Однако он недостаточен. Предоставленные сами себе массы к революции не способны. Нужна управляющая ими организация. Как указывал признанный авторитет в исследовании революционных механизмов американский политолог Ч. Тилли, движения протеста только тогда смогут превратиться в политически целенаправленное коллективное действие, когда будут созданы подчиненные жесткой дисциплине группы революционеров.⁴ Уничтожив организационное ядро революции, можно перенаправить активность масс в иное русло.⁵

³ Штомпка П. Социология социальных изменений. – М., 1996; Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005; Скакунов Э. И. Природа политического насилия // Социологические исследования. 2001. № 12.

⁴ Тилли Ч. Демократия. – М., 2007.

⁵ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М., 1999.

Новые несиловые технологии революций

Почему, успешно отразив силовое давление, государственная власть в СССР не смогла адекватно отреагировать на несиловое воздействие? Причина заключается в ее ментальном несоответствии новым технологическим методам ведения холодной войны. Мышление чиновника было и остается поныне в основном механистическим. Что такое сила в ее физическом выражении, ему абсолютно понятно. Соответственно, для противостояния силовому воздействию он должен создавать такой потенциал, который бы превышал совокупный ресурс, используемый противником. Все предельно просто. И надо признать, с задачами ресурсной мобилизации советский чиновник справлялся блестяще. Но как быть, если вызов не имеет силового выражения? Рецептов на этот счет не было.

К тому же в советском обществе широко тиражировался постулат марксизма-ленинизма о том, что революции без насилия неосуществимы. История показала ошибочность такого взгляда. Столь же ошибочно было бы считать, что силовой фактор в революциях нового типа оказался полностью исключен. Несиловые технологии в процессе революционной борьбы часто заменялись силовыми действиями – и таким образом власть оказывалась дважды технологически переиграна.

Эффективность несилового сопротивления была (возможно, впервые в широкомасштабной практике) продемонстрирована Махатмой Ганди. С ненасильственной революции в Индии начался, как известно, процесс крушения Британской империи.⁶ Ответом на физическую силу выступила качественно другая «сила». Физическая сила в ответ на ненасильственное действие применена быть не может, поэтому власти оставались пассивными. В итоге оппозиция захватила инициативу и одержала победу. Именно несиловое воздействие определяет суть «бархатных революций». Само название «бархатные» указывает на принципиальное их отличие от классических революций.

Тема несилового изменения государственного строя популярна в западной литературе. На тему свержения «недемократических режимов» издаются даже учебные пособия, в которых описаны модели организации несиловых революций в странах «с ограниченной демократией».

К таким пособиям относится, в частности, вышедшая в 1993 г. книга Дж. Шарпа «От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения».⁷ В ней описано все то, что произошло спустя десять лет после ее публикации на территории Украины и Грузии.

Любое государство, рассуждает Дж. Шарп, существует до тех пор, пока не оказывается перекрыт канал его сотрудничества и, соответственно, солидаризации с обществом. Силовой путь воздействия не дает такой возможности. Дж. Шарп отдает предпочтение именно ненасильственному формату борьбы с режимом как стратегически более перспективному. Он приводит широкий перечень рекомендуемых действий ненасильственной освободительной борьбы (см. Приложение 1).⁸

Дж. Шарп – не последнее лицо в западном истеблишменте. Он основал широко известный на ниве борьбы с недемократическими режимами Институт Альберта Эйнштейна, целью которого является «исследование и обучение с целью использования ненасильственной борьбы против диктатур, войны, геноцида и репрессий».

Институт был создан в 1983 г., за два года до начала перестройки. Существует он за счет финансовых поступлений от Национального фонда демократии, Фонда Форда, Международного республиканского института; предположительно, по мнению экспертов, получал также

⁶ Степанянц М. Т. Философия ненасилия: уроки гандизма. – М., 1992.

⁷ Шарп Дж. Роль силы в ненасильственной борьбе // Вопросы философии. 1992. № 8.

⁸ Sharp G. 198 methods of nonviolent action. Boston, Portet Sargent, 1973.

средства от правительства США и Института «Открытое общество» Дж. Сороса.⁹ Только за 2000–2004 гг., согласно официальным отчетам института, в него с целью получения рекомендаций, естественно, в «научно-образовательном смысле», обращались группы лиц из более чем 30 стран (Азербайджана, Албании, Анголы, Афганистана, Белоруссии, Боливии, Венесуэлы, Вьетнама, Гаити, Грузии, Зимбабве, Ирака, Ирана, Кашмира, Кении, Кипра, Китая, Колумбии, Косово, Кубы, Ливана, Малайзии, Мексики, Молдавии, Объединенных Арабских Эмиратов, Палестины, Сербии, Словакии, Тибета, Того, Украины, Шри-Ланки, Эритреи, Эфиопии). Разработки института переведены на 27 языков. В общем, методика ведения несиловой борьбы пользуется сегодня большим спросом.

Институт Альберта Эйнштейна – не единственная организация, занимающаяся этим вопросом. В этом же направлении ведет работу Международный центр ненасильственных конфликтов. Руководитель центра доктор П. Аккерман регулярно дает лекции в важнейших политических структурах Запада, включая Государственный департамент США. Центр, согласно собственной презентации на интернет-портале, «развивает и поощряет использование гражданской ненасильственной стратегии с целью установления и защиты демократии и прав человека во всем мире <...> предоставляет помощь в подготовке и присылке полевых инструкторов для углубления теоретических знаний и практических навыков применения ненасильственных методов в конфликтах по всему миру, где возможно продвижение “демократии и прав человека”».¹⁰

⁹ <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/64194/>

¹⁰ Кара-Мурза С. Г., Александров А. А., Мурашкин М. А., Телегин С. А. Революции на экспорт. – М., 2006. С. 40–57.

Классические революции и «цветные»: в чем отличия?

Чтобы понять суть современных «цветных революций», стоит сравнить их с классическими революциями прежних исторических эпох. Поняв специфику революций нового типа, можно найти эффективные инструменты для противодействия им. Одна из главных проблем такого противодействия сегодня состоит в применении устаревших средств, арсенал которых был выработан по опыту революций прошлого.

Цели «цветных революций»

Целью классических революций прошлого было изменение модели государственности для усиления суверенитета государства, хотя на практике происходящее могло и подрывать его жизнеспособность. Даже Февральская революция, в результате которой Россия фактически потеряла свой суверенитет, была в значительной мере определена призывом борьбы за суверенность. Колоссальные жертвы революций прошлого являются историческим предостережением против применения революционной тактики в будущем.

Цель «цветных революций» – десоверенизация. Их контекст – наличие глобальной мировой системы, в которой имеется очевидный центр. «Цветные революции» как раз и направлены на подчинение соответствующего геополитического пространства этому центру. Вот почему публично предъявляемая идеология «цветных революций» расходится с их истинными целями. И хотя «цветная революция» может проходить под лозунгом укрепления государства, цель ее – подчинение государства мировому центру силы.

Революции, произошедшие на постсоветском пространстве, – яркий тому пример. Разрушение СССР не могло одновременно порвать все исторически сложившиеся межрегиональные связи, выстраивавшиеся вокруг России. «Цветные революции» должны были нанести удар по сохранившимся связям. Этим и объясняются устойчивый антироссийский (руссофобский) пафос революционных выступлений и полное отсутствие пророссийской (и даже нейтральной) позиции, что наилучшим образом раскрывает подлинные замыслы таких революций.

Антироссийская направленность «цветных революций» означала в то же время их проамериканскую направленность. Окончательный выход из орбиты влияния Москвы позволял соответствующей группе государств более демонстративно двигаться в направлении Вашингтона.

Под крыло США с 1991 г. стремилось все постсоветское пространство. Однако в некоторых государствах со временем обнаружились тенденции пробуксовки и даже движения назад. Как угроза воссоздания СССР были восприняты в США проекты реинтеграции постсоветского пространства. «Цветные революции» должны были вернуть «сбившиеся с пути» государства на линию проамериканского развития. В этом отношении на постсоветском пространстве можно выделить три этапа «цветных революций». Первый – «бархатные революции», посредством которых была разрушена советская мир-система. События 1991 г. и 1993 г. в Москве стали заключительным аккордом этой революционной фазы.

Второй этап – это «оранжевые революции». Его цель – не допустить создания каких-либо объединений на постсоветском пространстве. Началом этого этапа стала не «революция роз» в Грузии, как принято считать, а «бульдозерная революция» в Югославии. Завершать «оранжевую» фазу «цветных революций» должна была, очевидно, революция в Российской Федерации. Однако сценарий дал сбой.

Не удалось организовать «цветные революции» в Узбекистане, Белоруссии, Казахстане. Не был реализован в полной мере и замысел создания вокруг России нового санитарного кордона. На такую перспективу было рассчитано, в частности, учреждение Организации за демократию и экономическое развитие – ГУАМ. Если взглянуть, кто в нее вошел (Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан, Молдавия), становится понятен геополитический замысел – охватить Россию кольцом враждебных государств. Учитывая известную антироссийскую позицию прибалтийских республик и Польши, масштаб охвата оказывался еще более значимым. Выход из ГУАМ Узбекистана и двойственная политика Азербайджана несколько замедлили реализацию проекта, хотя и не отменили его вовсе. Дважды организовывались «цветные революции» в Киргизии. Однако после обоих переворотов подпитываемый извне антироссийский пафос в скором времени ослабевал – и республика опять сближалась с нашей страной.

Не привели, наконец, к революции и белоленточные выступления в России. Выборы 2011–2012 гг. должны были стать апогеем «оранжевого» периода «цветных революций». Однако слабость «несистемной оппозиции» не позволила реализовать этот замысел. Вероятно, подготовка выступления белоленточников предполагала наличие конфликта во властном тандеме. Такой конфликт разогревался внешним давлением, но, как известно, ставка на него не сработала.

Третий этап в истории «цветных революций» начался в 2014 г. с Евромайдана. Если на втором этапе решалась задача вывода соответствующих республик из орбиты влияния России, то на третьем речь идет уже о формировании силы для антироссийской и антирусской военной агрессии. Националисты, находившиеся ранее на вторых ролях, становятся авангардом революционного движения. В этом принципиальное отличие майдана образца 2004–2005 гг. («оранжевого») от майдана 2013–2014 гг. («коричневого»). Впервые ставка в «цветном» сценарии сделана на откровенный нацизм. Это важнейшая веха не только для истории «цветных революций», но и для западного проекта в целом.

Судя по всему, именно в подчеркнутой поддержке Западом нацизма и фашизма следует ожидать новую фазу развития революционного процесса на постсоветском пространстве. Соответственно, и в России главная роль в революции перейдет, вероятно, от либерального к националистическому сегменту. Низкий рейтинг либеральной идеологии и рост популярности радикального национализма в молодежной среде создают подходящие условия для такой переориентации. Есть основания считать, что рост количества националистических организаций в значительной мере управляется извне. Использование «русской темы» в этом случае затемняет антироссийские целевые ориентиры и способно увлечь за собой в «походе на Кремль» определенные слои населения, что уже не под силу либерализму. Сообразно с традицией использования «цветочной» терминологии новый этап «цветных революций» может быть определен как «неокоричневый».

В России, судя по имеющимся медийным утечкам, развивается сеть ультранационалистических организаций, придерживающихся тактики прямого действия. Не только либералы, но и многие националисты получают финансовую поддержку из-за рубежа. Это позволяет им вести активную пропагандистскую работу, издавать большими тиражами соответствующую печатную продукцию. В России наблюдается бум книжных изданий по неоязыческой русско-арийской проблематике. Сайты многих националистических организаций зарегистрированы за границей, поэтому российские власти закрыть их не могут. Деятельность под вывеской спортивно-оздоровительных и военно-патриотических учреждений позволяет националистам проводить рекрутинг «боевиков», целенаправленно готовиться к часу X.

Конечно, «цветные революции» происходили не только на пространстве бывшей советской мир-системы. Но это не меняет их общей цели – геополитического подчинения соответствующей страны мировому центру. Так, в Китае первая попытка «цветной революции» была предпринята еще в 1989 г., но, как известно, все закончилось жестким ответным ударом со стороны властей. Вторая попытка – провоцирование выступления национальных меньшинств западнокитайских территорий – пришлось на время подготовки к пекинской Олимпиаде 2008 г. Расчет был сделан на то, что при повышенном внимании международного сообщества китайские власти не пойдут на решительные репрессивные меры. Третья попытка – «жасминовая революция» – планировалась на 2011 г. Она рассматривалась как перенос на Китай волны «арабской весны», имея в виду мусульманское население западных районов страны. И наконец, четвертая попытка – «революция зонтиков» – была предпринята в 2014 г. в богатом Гонконге.

«Революция кедров» в Ливане должна была вывести это ближневосточное государство из орбиты влияния Сирии и добиться подчинения его «мировому центру». По сходной схеме

(использование конфессионального фактора) будет осуществляться затем и попытка революции в самой Сирии, что свидетельствует о наличии единого сценария происходящего.¹¹

Отдельно стоит сказать о революционном движении, получившем название «арабская весна». Его специфичность породила мнение о том, что оно не относится к революциям «цветного» типа. Конечно, различия имеются, как есть они и между этапами «цветных революций» на постсоветском пространстве. Однако существует и общее: все эти революционные сценарии проектируются извне. В результате «арабской весны» наносился удар по светским, нацеленным на модернизацию режимам Большого Ближнего Востока. Многие из них изначально ориентировались на социализм. Поэтому специально для ближневосточного региона использовались адаптированные концепции «арабского социализма» и «исламского социализма».¹² В этом отношении «арабская весна» добивала в регионе сохранившиеся элементы прежней биполярной системы мироустройства.

При организации «цветных революций» нельзя было не учитывать крайние антиамериканские и шире – антизападные настроения на Ближнем Востоке. Такие настроения существуют даже в странах – традиционных союзниках США. Карикатурный скандал 2005–2006 гг. показал глубинное массовое неприятие западной культуры в мусульманском мире.¹³ Возможно, этот скандал был спроектирован, чтобы выяснить степень отторжения Запада в современном исламском мире в контексте начавшейся подготовки революций в регионе. Новая провокация – выход фильма «Невинность мусульман» – снова подтвердила полученный диагноз.¹⁴

A Documentary Survey. Leiden: E. J. Brill, 1969; *Crone P. Medieval Islamic Political Thought*. Edinburgh University Press, 2005.

В этих условиях прямая ориентированность новых революционных режимов на США была бы невозможна. Поэтому возник замысел десоверенизации через опосредованное включение в американский проект «Новый Халифат» (радикальное исламское государство, которое можно было бы использовать в качестве «большой дубинки» для развязывания цивилизационных войн в Старом Свете). Реализация такого проекта создает зоны эскалации международной напряженности по меньшей мере с четырьмя цивилизационными ареалами – европейским, российским, китайским и индийским. Одновременно происходит зачистка нежелательных режимов, таких как ливийский, в странах Большого Ближнего Востока.¹⁵ Поддержка США исламских фундаменталистов соотносится с аналогичной поддержкой нацистских сил на Украине. Такая синхронность свидетельствует о наличии единой стратегии управления «цветными революциями» и выходе их на новый этап.

¹¹ Габуев А., Зыгарь М. Великая антисирийская революция // Коммерсант. 21.06.2005. № 111. С. 9.

¹² Pratt N. Democracy & Authoritarianism in the Arab World. Colorado: Lynne, 2007; Hanna Sami A. Arab Socialism:

¹³ Карта карикатурного возмущения // http://www.kommersant.ru/ImagesVlast/Vlast/2006/006/vlast_06_016big.jpg

¹⁴ Феценко В. Миллионы против Америки. Арабский мир готов линчевать Соединенные Штаты // Российская газета. 17.09.2012. № 5886.

¹⁵ Новый Халифат – проект США // <http://voprosik.net/novyj-xalifat-proekt-ssha/>; Самсонов А. Чем грозит миру и России халифат // <http://topwar.ru/54326-chem-grozit-miru-i-rossii-halifat.html>

Идеология «цветных революций»

Классический революционный сценарий реализуется в три этапа: формирование идеологии – массовое партстроительство – приход во власть. На первом этапе создается группа идейных соратников, которая детально прорабатывает доктрину построения новой системы государственного устройства. Создание партийных коалиций возможно только после того, как достигнута идеологическая определенность внутри группы. Большевизм, напомним, начинался с идеологического размежевания с меньшевизмом. Второй съезд РСДРП, на котором В. И. Ленин выступил с острой полемикой в отношении позиций Г. В. Плеханова и Ю. О. Мартова, стал отправной точкой формирования ленинской партии.¹⁶

Привлечение сторонников в ряды партии происходит на втором этапе сценария. Революционеры всеми доступными средствами транслируют обществу ценности и цели, которые были определены на предыдущем этапе. Классические революции характеризовались жесткой определенностью идеологии. Идти в народ без наличия проработанной идеологии считалось принципиально невозможным.

На третьем этапе идеологически и организационно сформировавшаяся массовая партия осуществляет захват власти.

Развитие «цветных революций» происходит иначе. Их идеология четко не формулируется – и поэтому практически неуловима для критики. Из-за идеологической неопределенности революционных сил власти труднее вести контрпропаганду.

«Неясно, чего они хотят», – упрекали сторонников белоленточного движения в России. «Где их собственная конструктивная программа?» Но в том-то и дело, что собственной программы ни одна из «цветных революций» принципиально не выдвигала. В этом их особенность.

Отказ от выдвигания собственной идеологии определяется, во-первых, установкой на протест. Некоторый уровень протестной энергии в обществе существует всегда, он не может быть нулевым ни в одной из социальных систем, но протестные настроения можно целенаправленно подогревать и усиливать. На это и делают ставку «цветные революции». Из-за несовершенства самой жизни протестность пропагандистски неуязвима. Всегда найдется то, в чем можно упрекнуть власть.

Другое дело – выдвигание какой-либо конструктивной программы. Это гораздо сложнее, ведь такая программа может сама стать предметом критики. И не факт, что заявленная в ней идеология окажется привлекательнее той, которой руководствуется правящий режим.

Отказ от формулирования собственной идейной платформы неизбежно приведет к отсутствию стратегии развития государства в случае прихода оппозиционных сил во власть. Но такая стратегия «цветным революциям» не нужна. Их цель, напомним, десоверенизация страны, следовательно, революционная деятельность должна быть направлена на лишение государства собственных стратегических ориентиров.

Во-вторых, отказ от формулирования идеологии позволяет организаторам «цветных революций» скрыть свои подлинные замыслы. Цель – осуществление десоверенизации и подчинение мировому центру, естественно, не может быть озвучена публично. Отсюда постоянная пропагандистская ложь.

На самом деле цели «цветных революций» знает только их руководящая верхушка. Распространение этой информации на нижние уровни движения способно враз подорвать рево-

¹⁶ Второй съезд РСДРП. Протоколы // Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций Коммунистической Партии Советского Союза. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1959.

люционные силы, а потому категорически не допускается. То есть идеология «цветных революций» все же существует, но скрыта от общества.

В-третьих, «цветные революции» стараются привлечь максимально широкий спектр сил вне зависимости от идеологии последних. Наступление единым фронтом создает иллюзию общенародного движения, а коалиционность сглаживает идеологические различия участников.

Во всех «цветных революциях» либералы выступали рука об руку с националистами. Такой альянс существовал и при организации диссидентского движения в СССР. Борьбу против советского проекта вели с разных сторон одновременно либералы-западники, приверженцы русского консерватизма и национализма монархического толка (по типу общества «Память»), сторонники социал-демократической – европейского образца – платформы и адепты национально-сепаратистских движений, но координировалась она из одного внешнего центра. С началом перестройки отдельные публичные акции антикоммунистического содержания проводились различными организациями совместно. Среди защитников Белого дома во время августовских событий 1991 г. находились представители всех перечисленных выше сил. В их числе были, к примеру, будущий олигарх Михаил Ходорковский и будущий террорист Шамиль Басаев. Белоленточное движение опять-таки выстраивалось по принципу все-идеологического подхода – либералы (Б. Немцов), националисты (Э. Лимонов), коммунисты (С. Удальцов). Фигура Алексея Навального, позиционирующегося на нескольких идеологических платформах одновременно, особо характерна для контекста «цветных революций».¹⁷

Согласно данным социологических опросов, идеологические предпочтения участников митинга на Болотной площади 4 февраля 2012 г. (самого масштабного, по оценке ГУВД, митинга оппозиции) распределились следующим образом: левые – 38 %, демократы – 30 %, либералы – 27 %, националисты – 14 %.¹⁸ Таким образом, оказался охвачен весь идеологический спектр. Специфическим моментом белоленточных выступлений стало доминирующее участие в нем сторонников левой идеологии. В других «цветных революциях» коммунисты, как правило, участия не принимали, равно как и не блокировались с либералами.

Синхронная поддержка различных идеологических сил гарантирует организаторам революций контроль пришедшего к власти правительства при любом раскладе. Показательна в этом отношении политическая деятельность М. Б. Ходорковского, финансировавшего до своего ареста сразу несколько оппозиционных партий, стоящих на принципиально различных идеологических платформах (включая КПРФ).¹⁹ Любой победный исход революции оказывался бы выигрышным для ее заказчика. Именно таким образом действовали еще в девятнадцатом столетии Великобритания (знаменитый принцип «разделяй и властвуй»), а сегодня – США.

Пропаганда «цветных революций» раскручивает определенные темы: автократичность, попрание демократических принципов и коррупцию.

По сути, каждая «цветная революция» создавала центральный отрицательный образ автократора. Во время «бархатных революций» в таком качестве были представлены, в частности, Эрих Хонеккер, Николае Чаушеску, Рамиз Алиев, Тодор Живков, Густав Гусак, Янош Кадар.²⁰ Революция в Ливии была сфокусирована на культе Муаммара Каддафи, а в Египте – Хосни Мубарака. Одним из главных объединяющих факторов протестного движения Евро-

¹⁷ Воронков К. Алексей Навальный. Гроза жуликов и воров. – М.: Эксмо, 2011; *Бышок С., Семенов А.* Навальный. Человек, который украл лес. История блогера и политика. – М.: Книжный мир, 2014.

¹⁸ Доклад «Новая протестная волна: мифы и реальность» // <http://civilfund.ru/mat/view/37>

¹⁹ Stern: Арестом Ходорковского Путин охладил политические амбиции других олигархов // http://www.newsru.com/arch/russia/22oct2004/cool_it.html

²⁰ Бывшие «хозяева» Восточной Европы. – М., 1995; *Петелин Б. В., Степанов Г. В.* Эрих Хонеккер // Вопросы истории. 2013. № 9. С. 117–128; *Потанов В. И.* Судьба диктатора Чаушеску // Новая и новейшая история. 1990. № 4; *Языкова А. А.* Крах «золотой эпохи» Чаушеску // Вопросы истории. 1991. № 9–10; *Мусатов В. Л.* Янош Кадар и время реформ в Венгрии // Новая и новейшая история. 1990. № 3.

майдана стал консенсус в неприятии фигуры Виктора Януковича. Ряд информационных ресурсов целенаправленно бил именно по фигуре украинского президента. Впрочем, сам Янукович давал широкие возможности для такой критики: по рейтингу дороговизны государственных лидеров (отношение размера зарплаты президента и премьер-министров к среднему уровню зарплат в государстве) он занимал третье место в мире.²¹

В образе автократов могут выступать и исторические фигуры. Это происходит в тех случаях, когда с находящимся во власти лидером связываются надежды на поддержку революционных изменений. Такие надежды в период перестройки в СССР адресовались М. С. Горбачеву. Историческими же символами системы позиционировались И. В. Сталин и Л. И. Брежнев.

Обвинения в попрании правящей группировкой заявленных в Конституции демократических принципов также традиционны для всех без исключения «цветных революций». Не случайно катализатором многих из них оказывались выборы. Сценарий устойчиво повторяется: оппозиция обвиняет власти в фальсификации итогов голосования. Затем следует обращение к народу опротестовать совершенный подлог. Народ выходит на улицы и сметает действующую власть либо принуждает ее к перевыборам. Пойдя на перевыборы, морально проигравшая власть признает совершенный подлог, терпит поражение. Обвинения в нечестности выборов выдвигаются вне зависимости от того, были ли реально подтасовки или нет.

«Цветные революции» используют и такой мотиватор протестных выступлений, как обвинение правящего режима в тотальной коррумпированности. В этом отношении «индекс восприятия коррупции» может рассматриваться в качестве индикатора подготавливаемой революции. Восприятие коррупции – это психологическая величина, нетождественная реальному масштабу коррумпированности: она может оказаться как выше, так и ниже реального уровня коррупции в стране.

Система коррупционных связей складывается годами, а потому резкие изменения – рост или падение индекса – свидетельствуют о наличии информационно-психологической кампании. Низкий показатель в баллах (по шкале от 0 до 10) указывает на высокий уровень восприятия коррупции и наоборот. Индекс рассчитывается с 1995 г., охватывая все более широкий круг стран.

В преддверии революций показатели индекса в соответствующих странах начинают падать, то есть в представлении населения масштабы коррупции в государстве возрастают. Это указывает на то, что общество целенаправленно разогревается в ожидании времени Ч.

В России представления о коррумпированности государственной системы стали усиливаться именно с того момента, когда обозначились геополитические расхождения ее позиции с Западом. Одновременно с началом изменений динамики восприятия коррупции в российском обществе началось формирование внесистемной оппозиции. Минимальный показатель индекса пришелся на 2010 г., то есть на время, непосредственно предшествующее принятию ключевого решения о будущем президенте и началу выборной гонки (рис. 2).

²¹ Янукович попал в тройку самых дорогих президентов в мире // <http://kp.ua/politics/295793-yanukovych-popal-v-troiku-samykh-dorohykh-prezydentov-v-myre>

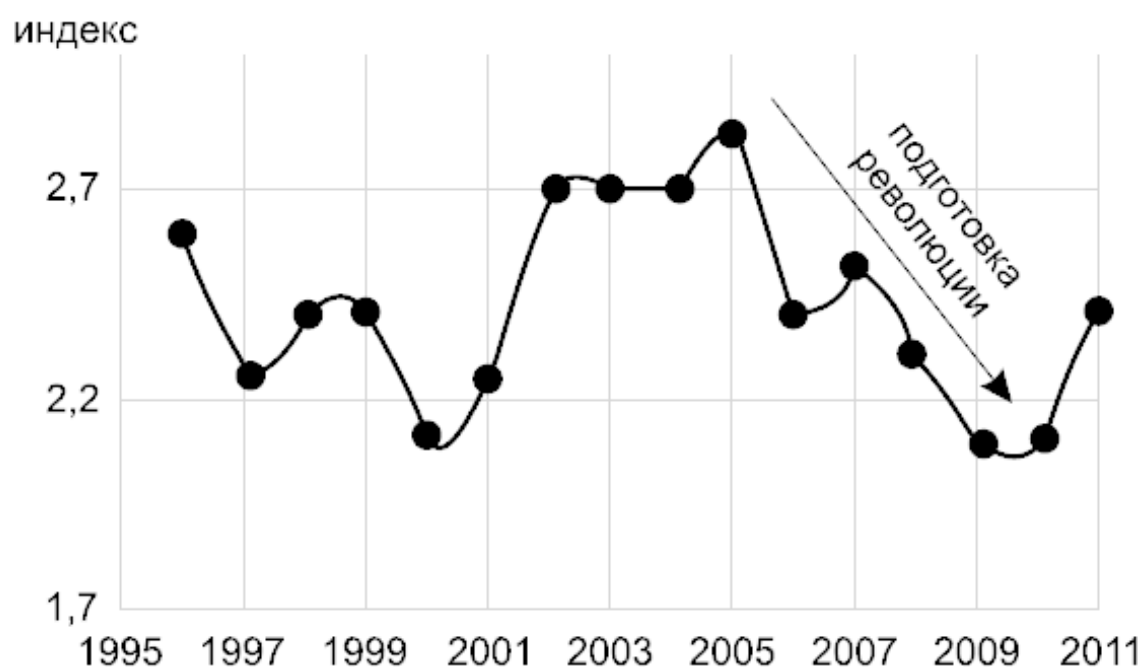

Рис. 2. Индекс восприятия коррупции в России

Социальная база «цветных революций»

Социальная база классических революций достаточно широка, недаром в марксистской теории противопоставлялись буржуазные, демократические и пролетарские революции. Они различались по двум параметрам: по целям и по определению революционного гегемона (движущей силы). Гегемоном буржуазной революции выступала буржуазия, пролетарской – пролетариат. Понятие демократической революции было введено для отражения переходного состояния. Предполагалось, что движущей силой в ней выступят широкие социальные слои общества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.